

ГЛЕБ ЛАРИН

МЕЖВЕКОВЬЕ

Глеб Ларин
Межвековье

«Издательские решения»

Ларин Г.

Межвековье / Г. Ларин — «Издательские решения»,

ISBN 978-5-44-900771-1

Рассказы о трагических, повседневных и простых событиях нашего межвековья, которые затронули как известных личностей страны, так и простых людей, которых мы называем «солью земли нашей». И это правильно. Ведь это именно они вынесли все тяготы нашей истории и никогда не унывающие и находящие во всем веру в будущее остаются главными героями нашей литературы. Книга предназначена для широкого круга читателей.

ISBN 978-5-44-900771-1

© Ларин Г.
© Издательские решения

Содержание

Из серии «Люди в истории»	6
Братя	6
Малиновая папка для Лаврентия Бери	10
Тайны дипломатии	13
Из серии «Судьбы человеческие»	18
Чусовой	18
Фотограф Изя	21
Катя	26
Конец ознакомительного фрагмента.	28

Межвековье

Глеб Ларин

© Глеб Ларин, 2017

ISBN 978-5-4490-0771-1

Создано в интеллектуальной издательской системе Ridero

Из серии «Люди в истории»

Братья

Эшелон катился уже седьмой день, практически без остановок.

Через маленькую щель, в углу вагона, Василь почти все время пути смотрел на уходящий от эшелона мир, пытаясь запомнить приметные места.

Но на четвертый день все исчезло, и унылый однообразный вид снежной пустоши утомил его. Ни деревца, ни кусточка, кругом только снежная белизна, режущая глаза.

И когда эшелон, в очередной раз остановился, но стук колес сменил безудержный лай собак, стало понятно, доехали. Василь снова заглянул в щель и увидел вдоль вагонов шеренгу солдат с собаками, а за ними лежала все та же земная пустошь.

Их высадили. Построили в ровные шеренги, пересчитали поголовно. Затем взвод автоматчиков, сопровождавших этап, вернулся в вагоны. Паровоз свистнул, тронулся и вскоре скрылся, словно его и не было.

Этапников снова перестроили, теперь уже в колонны поплотней.

– Направо! Шагом марш! – скомандовал старший, и колонна медленно двинулась в сторону лагеря, который находился в километрах шести от железной дороги.

Люди в колонне оживились, надышавшись свежего воздуха. По отекившим от бездействия ногам, побежала кровь, и вскоре шагать стало легче и веселей, не смотря на холод.

Солдаты, в одинаковых тулупах, лениво брели вдоль колонны, позволяя собакам тащить себя за поводки.

Наконец, показались бараки, окруженные двойной стеной колючей проволоки и вышками по всему периметру.

У Василя защемило сердце, он еще раз оглянулся назад за смыкающую колонну пустошь и подумал: «Отсюда не уйти!».

2.

Ночью, на четвертый день, кто – то тронул ногу Василя и потянул к себе.

Василь вскочил и в темноте силился разглядеть, кто его разбудил.

– Эй, хлопчик, слезай! Дело есть, – сказал шепотом незнакомец.

Едва проникающий свет в барак осветил его лицо, и Василь признал в нем одного из воровского своего барака.

Василь спрыгнул с нар и встал напротив. Его друзья, соседи по нарам, проснулись и теперь развернувшись, слушали их разговор.

– Чего тебе? – спросил Василь.

– Пойдешь со мной, – сказал незнакомец. – С тобой хотят поговорить. Тут недалеко, через барак.

Василь вопросительно взглянул на своих друзей. Старший из них, по имени Андрей, спрыгнул и встал между ними.

– Никуда он не пойдет! – сказал он. – А ну, говори, кто его звал?

Незнакомец, переминаясь с ноги на ногу, было видно, что он испугался, жалостно ответил:

– А я почему знаю хлопцы, кажись из ваших! У нас сам знаешь, лишних вопросов не задают! Да мне уплачено уже. Нет, так нет! Вот пойду и скажу.

– Ты не крути! – сказал товарищ Василя. – Наши бы сначала знать о себе дали. Тут все по своим понятиям живут. А вот от кого ты, не пойму я!

– Не знаю я, не знаю, – занервничал незнакомец. – Не сказал он! Только я с него слово взял, что хлопец живым – здоровым к вам вернется!

– Ну, тебе слово дать, не сильно обмажешься! «Ладно, стой тут», – сказал Андрей и повернулся к Василию. – Что, Василь? Пойдешь, али как? Вообще – то тут словами не бросаются. Может и правда, кто из наших?

– Пойду я, – сказал Василь и без лишних слов ушел с незнакомцем.

Они прошли к бараку и вошли. У самого входа, в закутке стояла печка – буржуйка и самодельный на козлах стол. За столом сидел, полусогнувшись к печке человек. Он обернулся, и Василь признал в нем своего старшего брата Степана.

3.

Степан был болен, его знобило.

Василь добавил ему в кружку кипятка, Степан обхватил кружку руками, словно пытался выпить тепло от нее в себя.

– Домашних давно видел? – спросил он.

– Давно, – ответил Василь. – Я как немцы отступать начали, старался быть подальше от наших мест. Придут ваши, загребут за пособничество братишку – то. Гришка один остался с родителями. От Ганки какая помощь, у нее своя семья.

– «Наши – ваши», все равно забрать могут. Ты – бандеровец, я – враг народа. Все одно – передохнем мы здесь!

– Ну, уж нет, браток! – сказал Василь. – Ты как хочешь, а я вот приглянусь и уйду отсюда!

– Куда уйдешь? – усмехнулся Степан. – Здесь сотни километров полупустыни и птицы облетают эти места. Погоди, а чего это ты Василь, седой уж весь?

– Не поверишь, за одну ночь посидел.

– Что так?

Василь опустил голову, помолчал и заговорил:

– Да, так. Помнишь дядьку Петра, с соседнего хутора? Так его твои коммуняки, в председатели определили. Мы в ночь туда зашли, вроде как за харчами, да потом кто командиры порешили и к дядьке Петру зайти, вроде как припугнуть. Не знаю, что там у них вышло, только сожгли они там всех. Живыми в печи, всех. И тетю Оксану и детишек. Крики их до сих пор в ушах стоят, вот.

Степан сжал кулаки и опустил голову.

– Что же ты, Василь?! А помнишь, он все как к батьке заходил, так завсегда тебя на колени сажал и гостинцами угощал?

– Не был я там! Я в оцепление стоял! А ты, Степан, когда сельчан наших со своими дружками пострелял как пособников, вспомнил, что среди них двоюродный дядька твой?

Степан промолчал, а позже сказал, не поднимая головы:

– Да нечто нас мать с отцом родили кровь проливать, вот этими руками?

– Не знаю я, братка, да только гореть нам в пламени адском. Будь оно все проклято!

– Да мне уж скоро, – отозвался Степан. – А ты уж побереги себя Василь, авось свидишься с родными. Так ты передай им поклон от меня.

– Да что ты, Степан, – сказал и обнял брата Василь. – Вместе, вместе поклонимся родителям!

3.

Спустя два дня, на построение, Василь услышал за спиной знакомый голос, того самого, из воровских.

– Слышь, хлопчик! Велено передать. Знакомого твоего в лазарет отправили. Сказали, плохой он. Если хочешь увидеть живого, поспешай. После построения я буду ждать у барака. Иди за мной, я покажу, как в лазарет пробраться.

После построения у барака Василь увидел знакомую фигуру. Тот заметил, что его увидели, развернулся и пошел вдоль барака. Василь поспешил за ним.

Поплутав по снежным лабиринтам, они, наконец, остановились, подняли по сугробам к краю дороги, и его попутчик сказал, указывая на небольшой барак:

– Вот он, лазарет! Ползи к нему. Двери, с другой стороны. Пройди незаметно, а внутри и персонал, и врачи из зека, там спросишь, кого надо, давай!

Василь перемахнул через сугробы и где ползком, а где и пробежкой согнувшись, подбежал к стене барака. Решив, обойти барак справа, он осторожно стал передвигаться вдоль стены.

Почти у самого угла барака он натолкнулся на небрежно сваленные трупы и тотчас узнал среди них своего брата.

Степан лежал уже одеревенелый, с широко открытыми глазами и приоткрытым ртом.

Василь опустился на колени, положил на них голову брата и беззвучно заплакал, утирая от слез и мелко падающего снега лицо Степана, отчего оно вскоре стало влажным и мягким.

Неожиданно из – за угла барака появился солдат. Он взглянул на Василя, отвернулся, скоро помочился на стену. Затем повернулся и, оправляясь на ходу, подошел и спросил Василя:

– Эй, ты чего тут?

– Это брат мой, – ответил Василь. – Можно я побуду с ним?

– Чего – о! – потянул солдат. – А ну, марш отсюда!

– Братишка! – сказал Василь, поднимаясь с колен. – Я чую, ты наш хлопец, с Украины.

Позволь, а?

– Тебе, вражина, тамбовский волк – брат! – зашипел солдат. – Дуй отсюда, чтобы духу твоего здесь не было!

– Ах ты, гад! – сказал Василь. – Попался бы ты мне на воле, посмотрел бы я на тебя вояку!

Солдат оглянулся вокруг, чему – то вдруг улыбнулся.

– Не бойсь, не попадусь! – сказал он, и мелко перекрестившись, снял с плеча карабин.

Почти не целясь, выстрелил прямо в сердце Василя.

Василь, разве что лишь успел взглянуть на брата и упал рядом.

На выстрел тотчас прибежали офицер с двумя солдатами.

– Кто стрелял? Что случилось? – спросил офицер.

– Вот, товарищ лейтенант, – махнул в сторону Василя солдат. – Бросился на меня, хотел оружие забрать!

Офицер оглянулся вокруг и сказал:

– Напал, говоришь? Что – то я следов борьбы не вижу?

– Да что же я, должен был ждать, когда он мне на шею броситься, – сказал обиженно солдат. – Да гляньте, чего он тут делал!? Сидел и ждал, на кого напасть!

Офицер потоптался еще вокруг, махнул рукой и сказал стоявшему рядом солдату:

– Ладно! Сержант! Сейчас пройдете с рядовым к дежурному офицеру и оформите труп.

– Есть! – ответил сержант. – А что, товарищ лейтенант, труп тоже до дежурного?

– Да на кой он ему нужен, – ругнулся офицер. – Запомни номер и оформляйте, вот как он все рассказал. А труп бросьте к остальным.

Лейтенант ушел. Сержант с солдатом подняли тело Василя и после короткого взмаха бросили поверх других трупов.

– Пошли! – сказал сержант и двинулся вперед.

Солдат быстро оглянулся, взглянул на Василя, чему – то улыбнулся и мелко перекрестившись, поспешил за ним.

4.

У ворот лагеря, на высоком столбе, нещадно скрипел прикрытый колпаком фонарь. Раскачиваясь, он освещал будку часового и едва заметную, припорошенную снегом дорогу к лагерю.

По освещенной прожекторами дороге, из – за барачков показались запряженные лошадьё сани – розвальни.

Они едва приблизились, как часовой, без всякой команды распахнул ворота.

– Тпр – р – р! – скомандовал солдат управлявший санями и едва они остановились, легко соскочил с них.

– Здорово, Ваня! – приветствовал солдата часовой. – Давно я тебя здесь не видел!

– А у нас график не совпадал, – ответил ему солдат. – Сейчас зима, товар не портится, вот и вывожу раз в два, а то и в три дня.

– Понятно! – сказал часовой, и, приблизившись, взглянул в сани.

На санях лежали, не вдоль, а поперек, аккуратно сложенные друг на друга трупы. Причем, головами в одну сторону, ногами в другую.

– А что Вань, неплохо тебе служится, – сказал часовой. – Числишься тут труповозом, а домой придешь, так бабам все будешь рассказывать, что чуть ли не государственных преступников охранял!

– А че!?! – откликнулся солдат, указывая на трупы. – Чем они не государственные преступники? Какая разница, живые они, али мертвые? Вот только званиями, да значками меня обделяют.

Часовой рассмеялся, но видимо привыкший донимать своих собеседников спросил:

– А за что тебе значки – то? Ты вон сегодня на политзанятиях, не мог вспомнить, на каком съезде Ленин меньшевиков разоблачал! Что ж ты так?

– А ну их! Разве все упомнишь! – ответил солдат, и снова указывая на сани, прибавил. – Вон их до сих пор разоблачают! Не одному мне на службу возить хватит!

Они прошлись вдоль саней, и часовой вдруг сказал:

– Смотри! Смотри! А вот этот как похож вон на того!

Солдат взглянул и удивился:

– И впрямь похож, – сказал он. – Только вот этот вроде постарше. А которого помладше, стрельнул кто-то!

– Это Сахно его стрельнул! Уже третьего стреляет, как будто при попытке к бегству. Все отпуск хочет заработать!

– Ты подумай! Не бояться – то люди греха! – сказал солдат и прибавил – Ну давай, принимай товар, а то мне еще возвращаться издалека.

– Это мы мигом! – согласился часовой.

Он прошел за будку, достал из – за нее кирку, обрезанную для легкости с одной стороны, скоро и умело пробил ею черепа всех трупов.

– Нормально! – сказал он. – Послушай Вань, а куда ты их возишь? Говорят, что та траншея, которую мы еще по осени приготовили уже полная.

– А зам по хозчасти нашел немного дальше одну расщелину, так я туда свожу. А по весне землей закидают! Ну, бывай служба!

Солдат легко запрыгнул на сани, дернул за вожжи и скомандовал:

– Но – о – о! Вперед Сивка! За Родину! За Сталина!

Лошадь поднапряглась, рванула, оторвала с места, примерзшие было сани, и двинулась прочь от лагеря.

Малиновая папка для Лаврентия Берия

Тело Сталина с дивана снова опустили на пол. Огромного роста мужчина в белом халате опустился перед ним на колени и с каким – то неистовым усилием делал прямой массаж сердца, отчего тело вождя казалось беспомощным, а движения человека в белом лишь подчеркивали эту беспомощность.

Четверо военных, образовавшие правильный квадрат вокруг этого человека, не сводили с него глаз и нервно сжимали кулаки, наблюдая как, он бесцеремонно обращается, с телом Сталина.

Члены Политбюро, незаметно для себя, в ужасе от увиденного, собрались в кучку и молча, наблюдали за происходящим.

Лаврентий Берия, оказавшись позади всех, тщетно пытался увидеть, что же происходит. К тому же пенсне бесконечно потели и сползали с глаз. Как бы стараясь не упустить самое важное, он вставал на цыпочки, хотя для того чтобы разглядеть лучше ему было достаточно сделать шаг влево или вправо.

Эти минуты казались бесконечностью, наконец, кто – то сказал:

– Зачем вы мучаете его, он умер.

И только после этих слов, человек в белом вдруг резко остановился, тяжело вздохнул, поднялся и отошел в сторону. «Как это умер!?! – пронеслось в голове Берия. – Кто посмел сказать это? Кажется, Никита! Надо запомнить это!» Но было уже поздно. Военные склонились к телу вождя, подняли его и снова положили на диван. Впереди кто – то всхлипнул, и кто – то поддержал его. Берия испуганно оглянулся вокруг и пригляделся, не смотрит ли кто на него, почему он не плачет.

Наконец, впереди, зашевелились, кажется это Маленков, что – то уже говорил стоявшему рядом с ним Хрущеву о похоронах, затем еще кому – то, и потихоньку, кучка развалилась и все, как будто стараясь не тревожить вождя стали тихо прохаживаться по комнате. Берия тоже прошелся по комнате, прислушиваясь к разговорам, где-то поддакивая, где – то согласно кивая головой. Дождавшись, когда Маленков остался один, он быстро подошел к нему и сказал:

– Надо бы кабинет в Кремле опечатать.

– Да, да, конечно, сделай это, – как – то даже благодарно сказал Маленков, подчеркивая, что даже он не может упомянуть всего, что нужно сделать в связи с этим ожидаемым, но все же неожиданным горем.

Берия облегченно вздохнул. Он немедленно подошел к «вертушке» прямой связи с Кремлем и едва дождавшись, когда, дежурный офицер доложил, сказал в трубку:

– Это Берия, скоро я буду у вас. Найдите и привезите к моему приезду плотника Николаева, пусть ждет меня.

Он положил трубку, еще раз взглянул на безжизненное тело вождя и пошел к выходу, и все услышали его голос в коридоре:

– Хрусталева, машину!

2.

Наконец – то этот день настал. Сталин умер. Как и все окружение вождя Берия, всегда думал об этом: что же будет, когда Сталина не станет, кто будет после него у руля страны, что будет с каждым из них. Но для Берии этот час был особенным. Он ехал в Кремль, в кабинет вождя, где в столе в одном из ящиков лежала малиновая папка, о содержание которой, он никогда не знал, но все годы, когда он узнал о существовании этой папки, она не давала ему покоя.

Впервые он увидел ее в 1942 году. В тот далекий день, в указанный час для доклада, он зашел в кабинет вождя. Все было как обычно. Сталин сидел за столом и просматривал

бумаги. Но в этот раз, едва Берия приблизился к столу, Сталин вдруг как – то поспешно закрыл лежащую перед ним необычного цвета малиновую папку, положил ее в верхний ящик стола и тут, же замкнул его на ключ. Все было как обычно. И доклад, вопросы и замечания вождя, но Берии было не по себе. Он впервые увидел смятение вождя, его несколько суетливый взгляд, когда он поспешно убрал эту малиновую папку. Берия знал, что все ящики стола Сталина были без замков. Откуда он появился? И зачем? Ведь в углу кабинета стоял сейф, который особо никогда не был перегружен.

Конечно, эта история вскоре забылась но, когда спустя три месяца, она повторилась, и с тех пор она стала настоящим проклятием для Берии. Ведь именно тогда Лаврентию Берии показалось, что вождь намеренно показывает папку Берии и прячет ее в стол, как бы показывая, насколько он, вождь, скрывает содержимое этой папки от Берия. Стоит ли говорить о том, что творилось в его душе, когда история повторилась в третий и четвертый раз.

«Он, специально показывает эту папку мне, – думал Берия. – И цвет выбрал необычный, чтобы я запомнил ее. Там, компромат на меня. Но кто поставляет ему этот компромат? Это может быть человек, только из моего окружения! Точно! Надо найти этого гаденыша!»

Шли годы, но тайна папки не раскрывалась и всякий раз, когда Берия видел ее, он надолго выходил из себя, становился замкнутым и подозрительным.

Его подозрения особенно усилились, когда он однажды завел случайный разговор за столом с начальником контрразведки Абакумовым. Берия спросил его полусерьезно:

– Вот ты, Виктор Семенович, контрразведчик, должен все примечать и запоминать, а сколько в кабинете Иосифа Виссарионовича стульев, пепельниц и окон? – и, как бы довольный своим вопросом расхохотался.

Но Абакумов и глазом не моргнул и тотчас ответил. И тогда, как бы восхищенный Берия спросил:

– А ящиков, сколько ящиков у него в столе и сколько из них закрывается на замок?

– Четыре, – уверенно ответил Абакумов. – А замок на одном, три года назад поставили.

– Ну, ты молодец, Виктор Семенович! – сказал Берия, теперь уже действительно удивившись наблюдательности Абакумова и, поспешил задать самый важный для него вопрос.

– А что в том ящике хранится, небось, деньги?

– Нет, – уверенно ответил Абакумов. – Деньги Иосиф Виссарионович всегда в сейф кладет, сам пару раз видел. А в ящике, что с замком, папка, странная какая – то, малинового цвета.

– Ну, прямо малинового? – сказал Берия.

– Лаврентий Пав – ло – вич! – потянул Абакумов, – Обижаете. У меня же – память! (тут он показал рукой на свою голову) Я и сейчас помню, что было, когда эту папку в последний раз видел. Я зашел, Иосиф Виссарионович сидел за столом. Он взял со стола эту папку, положил в ящик, закрыл на замок и спросил: «А что вы там, с Берия, решили вопрос по 3 – ему Белорусскому фронту?», хотя я пришел с докладом по другому вопросу.

Берия на минуту окаменел.

– Так ты говоришь, – спросил, наконец, он. – Папку закрыл и про меня спросил?

– Почему про вас? Про нас, – поправил его Абакумов.

Но Берия его уже не слышал. Все сходилось. И ящик. И папка. И вопрос, когда эту папку прячут в стол. Это была его папка. Папка для Лаврентия Берия. У него были тысячи, миллионы папок на других, но та малиновая папка была для него. И когда эта папка станет не нужна для Сталина, станет не нужен и сам Берия. И чтобы эта папка потеряла силу, нужно было, чтобы не стало или Берия, или....

Но есть бог на свете, не стало Сталина. И вот он едет в машине, поглядывая на часы, словно кто – то может опередить его. Едет в Кремль за малиновой папкой.

В Кремле его ожидали, дежурный офицер и старик-плотник Николаев.

– В кабинет, к Сталину! – сказал Берия и быстро, прошел, прислушиваясь к шагам, позади него.

Когда они прошли в приемную, Берия сказал другому офицеру, дежурившему там:

– Сталин, умер! Я уполномочен опечатать кабинет! Откройте!

Офицер дрожащими руками от волнения и нахлынувшими на него чувствами открыл дверь. Берия вошел в кабинет и, как бы просто осматривая его, прошелся по его периметру. Он заглянул зачем – то за занавески, сейф и наконец, подошел к столу и сел за него. Внимательно осмотрев лежавшие на столе вещи, но, ни к чему не прикасаясь, он наклонился и прикоснулся рукой заветного ящика. Ящик был закрыт. Показывая удивление на лице, Берия еще раз подергал его и с видом человека, который знает, что лежит там и ему это нужно взять приказал плотнику:

– Взломайте!

Плотник недоверчиво взглянул на невозмутимое лицо офицера охраны, пожал плечами и сказал:

– Зачем ломать?

Он взял в руки свой чемоданчик, открыл, достал оттуда небольшое приспособление и через минуту, повозившись с замком, открыл его.

Лаврентий Павлович побагровел от волнения. Он вонзил свой взгляд на плотника и когда тот отошел от стола, медленно открыл ящик. На дне ящика сиротливо лежала малиновая папка. Берия достал ее и положил перед собой на стол. Он еще раз взглянул на офицеров и плотника, стоявших в стороне, и аккуратно открыл папку. И первая же лежавшая наверху бумага, повергла его в шок. Это был лист, с машинописным текстом под которым стояла его размашистая подпись, и чуть правее сноски, подтверждающая его автора – «Л. П. Берия».

Все поплыло перед глазами Берии. Пенсне мгновенно запотели, и пот струился градом. Он откинулся на кресло, пытаясь прийти в себя. Берия понимал, что его состояние легко объяснить случившимся и поэтому не спеша дождался, когда ему станет лучше, протер пенсне и устремил свой взгляд на бумагу.

Это было спецсообщение №295 от 5 марта 1945 года Л. П. Берии, И. В. Сталину с показаниями югославского генерала Стефановича о мужественном поведении в плену Якова Джугашвили, старшего сына Сталина.

Берия помнил, как он вручил это сообщение Сталину и тот, взяв его в руки, прошел в другой кабинет и так и не вернулся к нему. Он бережно убрал эту бумагу в сторону. Под ней лежала пожелтевшая немецкая листовка 1941 года о пленение Якова. Под листовкой лежала довоенная фотокарточка Якова и... больше ничего.

Берии опустил руки и дождался, когда в них исчезнет дрожь. Он положил бумаги и фото обратно в папку, бросил ее в ящик и заметил, как облегченно вздохнули офицеры, увидев, что он ничего не взял. Берия встал, прошел к двери, обернулся, еще оглядев кабинет и молча, вышел, ничего не сказав офицерам и плотнику.

Так закончилась история малиновой папки для Лаврентия Берия.

Тайны дипломатии

Действующие лица:

Брежнев Л. И. – Генеральный секретарь ЦК КПСС 1966—1982 г.г.

Косыгин А. Н. – Председатель Совета Министров СССР 1964—1980 г.г.

Громыко А. А. – Министр иностранных дел СССР 1957—1985 г.г.

Андропов Ю. В. – Председатель КГБ СССР 1967 – 1982 г.г.

Неверова М. А. – медсестра горбольницы №63 г. г. Москва 1971 – 1974 г.г.

Зазвонил телефон. Сотрудник отдела поднял трубку и представился:

– Наградной отдел, ответственный секретарь Петров. Слушаю вас, Леонид Ильич! Да – да, здесь! Сейчас передам!

Дрожащими руками Петров протянул трубку и сказал:

– Вас, Юрий Владимирович. Леонид Ильич Брежнев!

Андропов с удивлением взглянул на сотрудника, но трубку взял и проговорил в нее:

– Андропов у телефона.

– Кхе – хе! – раздался знакомый смешок Брежнева. – Здравствуйте, Юрий Владимирович, удивились? Вот видите, не только вы обо всех знаете, но и мы знаем о вас, где бы вы не находились! Кстати, а что вы делаете в Наградном отделе, мы вроде бы вас не награждали?

– Здравствуйте, Леонид Ильич! Действительно удивили. А я здесь по делу, Леонид Ильич. Видите ли, многие наши сотрудники находятся в длительных, так сказать командировках, и поэтому их государственные награды время от времени в Наградном отделе забираю я, под роспись. А потом, когда они возвращаются, мы у себя в Комитете, насколько это возможно, торжественно вручаем им эти награды.

– М – да, – проговорил в трубке Брежнев. – А я вот и не знал об этом. Очень трогательно, знаете ли. Хм – хм, но я, однако, к вам по делу звоню. Есть тут у правительства одна проблема и никак мы без вас ее решить не можем. Ну если уж вы рядом пройдите ко мне, тут у меня как раз нужные для беседы люди сидят. Я скажу, чтобы вас пропустили.

– Хорошо, Леонид Ильич, я сейчас же иду к вам, – сказал Андропов и дождавшись, когда в трубке послышались гудки, передал ее сотруднику.

Он поставил роспись на расписке и, указав, на аккуратно сложенные коробки с орденами сопровождавшему его офицеру сказал:

– Возьмите это все и ждите меня в машине.

Андропов вышел из кабинета, прошел несколько коридоров и этажей и вскоре оказался в приемной Брежнева, где его немедленно пропустили к хозяину кабинета.

2.

В кабинете Брежнев действительно был не один. Вместе с ним за столом сидели глава правительства Косыгин и министр иностранных дел Громыко, с которыми он просматривал видеозапись вчерашней церемонии награждения Леонида Ильича очередным орденом. Эта видеозапись, очевидно, нравилась хозяину кабинета, так как, с появлением Андропова в кабинете, он с явным сожалением отключил запись и пригласил рукой вошедшего к столу. Дождавшись, когда Андропов, поздоровавшись со всеми, присел к столу, Брежнев обратился к нему:

– Юрий Владимирович, сейчас товарищи вам изложат проблему, которая, как они утверждают, связана с вашим комитетом. Надеюсь, вы найдете общий язык для ее разрешения. Давайте, занимайтесь, – подсказал Леонид Ильич сидящим за столом и, развернувшись, к рядом стоящему телевизору, включил видеозапись, не без видимого удовольствия добавил, – А я вот пока потихоньку запись посмотрю. Андропов согласно кивнул головой, улыбнулся и, повернувшись к будущим собеседникам, сказал:

– Я внимательно слушаю вас.

Первым начал говорить Косыгин, об эрудированности и интеллекте которого ходили легенды, и перед его личностью Андропов всегда испытывал некий трепет. – Юрий Владимирович, – сказал он. – Я думаю, вы знаете, что наши торговые отношения с Западом носят несколько иной характер, нежели со странами Варшавского договора. И если с дружественными нам странами мы можем вести прямые переговоры с поставщиками или покупателями продукции, то те же отношения с западными компаниями во многом зависят от наших с ними международных отношений.

– Разумеется, знаем, – ответил Андропов. – Могу прибавить, что мы даже контролируем эти отношения, поскольку в эти торговые сделки вкладываются миллионы народных денег.

Косыгин согласно кивнул головой и продолжил: – Да, конечно. В ЦК не секрет, что ни одна такая сделка не совершается без утверждения вашего комитета. Юрий Владимирович, а что вы знаете о поставках оборудования на новый завод в Сибири из Республики N?

– Ну, наверное, то, что и вы, Алексей Николаевич. Велись успешные переговоры по этим поставкам, но в связи с резким ухудшением отношений с Республикой N они практически сошли, на нет, и поэтому теперь находятся пределах отношений министерств иностранных дел, вернее, наших дипломатических торговых представительств.

– Совершенно верно, – согласился Косыгин. – Мы вынуждены были передать это дело под контроль наших дипломатов, но там товарищи неожиданно наткнулись на неожиданное препятствие и виной всему, как они заявляют, являются ваши сотрудники Юрий Владимирович.

– Вот как! – удивился Андропов. – Хотелось узнать подробности.

– А подробности у Андрея Андреевича, – сказал Косыгин и, повернувшись к Громыко, предложил: – Прошу вас.

И здесь Андропов увидел, как, пожалуй, самый известный в мире дипломат, вдруг смутился, нервно повел плечами и, разведя руками, проговорил:

– Ну, знаете, я даже не знаю, как это рассказать. В моей, а может и в мировой практике, а таком явлении я слышу впервые. Ко мне обратились наши сотрудники, которые заявили, что в деле об этой торговой сделке появились неожиданные препятствия. Посольство Республики N практически блокирует, игнорирует, а также всячески препятствует нашим переговорам с фирмой, с которой нам поручено заключить договор о покупке оборудования для нашего нового завода.

– Интересно, почему? – заинтересовано спросил Андропов. – Я впервые слышу об этом. Но насколько я знаю, правительство N, какими бы не были сложными наши отношения, никогда не вмешивается в дела частного капитала. Оно лишь может рекомендовать те или иные действия, но не более, это мировая практика. Может быть, все дело в конкурентах?

– Если бы, – печально покачал головой Громыко. – Но дело оказалось до нельзя банальным и потому, что удивительно, совершенно неразрешимым. Наши сотрудники произвели расследование, и коллеги из посольства N без всяких дипломатических искушений прямо заявили нам об истинных причинах своего поведения.

– И каковы же эти причины? – спросил Андропов. Здесь глава МИДа вновь пожал плечами, вздохнул и сказал:

– Это невероятно, но дело видите ли оказывается в том, что люди из вашего комитета прервали личные отношения атташе посольства К. и некоей гражданки Маши Неверовой, жительницы Москвы. И теперь, в знак солидарности к своему коллеге, сотрудники посольства бойкотируют все наши действия!

Наступила неловкая и затяжная пауза. Столь затяжная, что Леонид Ильич вдруг оторвал свой взгляд от телевизора и задал свой вопрос, который изумил всех присутствующих, которым казалось, что Брежнев совершенно не слушал диалог трех членов правительства.

– А кто, кто эта Неверова Маша? – спросил он. – Она что, актриса или певица? Я что – то не слышал такую фамилию.

Косыгин и Громыко вопросительно посмотрели на Андропова. И понимая, что они представления не имеют, кто же такая Маша Неверова, он повернулся в сторону Брежнева и пояснил:

– Леонид Ильич, Неверова Маша – это бывшая медсестра московской городской больницы №63. В настоящее время проживает у своей бабушки в Перми.

– У бабушки? – переспросил Брежнев.

– У бабушки, – подтвердил Андропов.

Брежнев согласно махнул рукой и снова повернулся к телевизору. Андропов развернулся к своим собеседникам и по выражению их лиц понял, что простыми объяснениями о пребывании медсестры Маши «у бабушки» ему не обойтись.

– Ну, хорошо, – сказал он. – Да, нам стало известно о связи этого атташе К. с некой Машей Неверовой. Не скрою, мы проявили свой, некоторый интерес, к этой ситуации. Но, как выяснилось, интеллект Неверовой столь низок, что она даже не понимает разницу между дипломатами капиталистических стран и странами Восточной Европы. И, в конце концов, она вела не совсем достойный образ жизни, и поэтому было принято решение выслать ее за пределы Москвы.

– За пределы Москвы! – воскликнул вдруг Громыко. – Вы высылаете ее за пределы Москвы, а мне звонит коллега из Республики N и утверждает, что это ваше решение пример антидемократического государства! И даже намекает мне, что доведет этот факт до главы государства, визит которого мы с таким трудом организовали в сентябре месяце!

– Юрий Владимирович, – как бы продолжил его монолог Косыгин. – Речь идет о сроках ввода нового завода, имеющего важнейшее значение для народного хозяйства, а ваши сотрудники так неумно срывают нам эти поставки.

И тут, всегда невозмутимый, каким его знали члены правительства, Андропов вдруг вспыхнул:

– Что же вы предлагаете, чтобы о нас говорили, будто бы мы подкладываем под западных дипломатов проституток!?

Последнее слово прозвучало так четко, что его собеседники невольно переглянулись, а Брежнев и вовсе как – то испуганно обернулся к беседующим за его столом и обратился к Андропову:

– Юрий Владимирович, – сказал он. – Вы что же хотите сказать, что в нашей стране есть проституция?!

– Извините, Леонид Ильич, – ответил Андропов. – Это я так, образно.

– Ничего себе, у нас так образно выражается председатель госбезопасности! – заметил Брежнев и снова с сожалением взглянул на телевизор, где как раз Михаил Сулов прикреплял к его груди орден. – Вот, посмотрите, за что меня награждают? А за то, товарищи мои, что я всегда делал то, что нужно партии и народу. А вы тут разборки устраиваете, понимаете ли, вместо того, чтобы делом заниматься! Что нам сейчас важнее, что о нас скажет Запад или новый завод? То – то! Юрий Владимирович, я понимаю, нас и так грязью обливают, ну и шут с ними, с капиталистами этими. Нам завод нужен! Он у меня в отчете о нашем пятилетнем плане! Так вот, верните – ка вы эту Машку в Москву к послишке этому, и пусть он сам решает, ровня она ему или нет. Все! Читайте, что это партийная от нас к вам просьба, а если хотите и поручение. И если вопросов нет, давайте расходиться, а то мне еще интервью давать тут одной «ихней» газетенки, тоже вот, говорят надо, для этого, как его? Да, имиджа страны, понимаешь ли!

3.

Прошло два года. В Кремле шел праздничный прием советской общественности и иностранных представительств в честь награждения Леонида Ильича высокой международной премией.

Все было как обычно: скромная торжественная часть, великолепный концерт и прекрасное застолье, от которого не только у лучших представителей советского народа рябило в глазах, но и у иностранных гостей, которые были готовы бойкотировать что угодно, но только не такие застолья.

В одном из углов зала, в сторонке, скромно стояли, беседуя о чем – то, Громыко и Андропов, когда к ним неожиданно подошел Брежнев.

– Вот, – сказал он, показывая на воротничок с новой блестящей медалью лауреата. – Наградили, понимаешь ли.

– Поздравляем! Поздравляем! Мы очень рады за вас, Леонид Ильич! – отозвались Громыко и Андропов, приподнимая свои бокалы.

– Спасибо! И вам спасибо, товарищи, что доверяете мне! – отозвался растроганный Брежнев. Он же уже развернулся, чтобы продолжить путь, к тем, кто еще лично его не поздравил, как вдруг обернулся и с интересом на лице спросил:

– Послушайте – ка! А что тот атташе, ну который в нашу девку был влюблен, он еще у нас в стране?

Громыко улыбнулся и ответил:

– Леонид Ильич, неужели вы помните эту историю?! Какая у вас хорошая память! Да, он до сих пор в нашей стране, правда он вовсе и не атташе теперь.

– А кто же? – спросил Брежнев.

– Да уж дорос наш с вами общий знакомый до полного звания посла своей страны и, кстати, проводит очень полезную для наших стран политику сотрудничества!

– Скажите – ка! – удивился Брежнев. – А девку – то эту, Машу, бросил, небось?

– А вот и нет, Леонид Ильич! – рассмеялся Громыко. – Девушка Маша, теперь вам не шалай – валяй, а жена посла Республики N!

– Вот – те, на! Жена?! Не верю, покажите!

Тут в разговор вмешался Андропов.

– Леонид Ильич, пальцем показывать неудобно. Посмотрите за моей спиной, видите у картины с Георгием Победоносцем группу людей.

– Да, вижу! – оживленно сказал Брежнев.

– Среди них много женщин. Какая, по – вашему, самая красивая из них?

– Ну, вы даете, Юрий Владимирович! Хм – м... Впрочем, мне кажется вот та брюнетка в белом платье, с белой розой в руке.

– Bravo! – восхитился Андропов. – У вас великолепный вкус Леонид Ильич! А ведь это и есть Маша, бывшая медсестра больницы №63 Неверова!

Но Леонид Ильич почему – то не разделил радости Андропова. Он еще раз взглянул через его плечо на Машу и мрачно сказал:

– Ну вот, да что это такое!? Если мы таких красивых женщин в обмен за лояльность разным там послам будем раздавать, кто нам красивых детей рожать будет?!

– Не за лояльность, Леонид Ильич, – поправил его Громыко. – Лояльность послов – это наш профиль. За завод!

– Все равно, – как – то безутешно сказал Брежнев. – Нехорошо это своим генофондом разбрасываться. А завод, а что завод? Мы его ведь в срок запустили. Да, в срок. Я и указание дал, чтобы всех достойных там за запуск наградили.

– Леонид Ильич, всех ли достойных? А вот нас с Андрей Андреевичем позабыли, ведь мы кажется тоже к этому событию причастны?! – пошутил Андропов.

Брежнев, погрозил пальцем, рассмеявшимся Громыко и Андропову и сказал:

– Вам бы, по – хорошему по строгачу в личное дело, что чуть такое важное дело не развалили. Если уж награждать кого, то вон ее! Да, была Маша, да стала не наша.

Он еще раз взглянул в сторону дипломатического корпуса Москвы, махнул рукой, и ушел в сторону лучших представителей советского народа.

P.S. Неверова М. А. в результате предательской деятельности генерала КГБ К – на была вынуждена срочно вернуться на Родину. Муж Неверовой г – н К. после тщательной проверки признан невиновным, но ушел в отставку. Его местонахождение в настоящее время неизвестно.

По некоторым сведениям в горбольнице №63 Неверова работала не медсестрой, а санитаркой.

Из серии «Судьбы человеческие»

Чусовой

– Ма! Мама! – малыш Игнат тянул одеяло с Ксении.

Та откликнулась не сразу, а, проснувшись испугано, глянула на Игната.

– Ты чего, сынок? Али случилось что? – спросила она.

– Не – а! – бойко ответил малыш, пробираясь к матери под одеяло. – Тама, у печки деда постится!

– О господи! А ты по чем знаешь? – спросила Ксения, укрывая малыша.

– Я пи – пи бегал, а там деда, испужался, – сказал малыш, прячась в тепло.

– Ну, ты глянь, ни свет, ни заря! – сказала Ксения и, поеживаясь от холода, встала и поплелась к печке.

Там она включила свет и увидела отца.

Ксения вздохнула, сунула босые ноги в валенки и, прихватив табурет, подошла к нему и села напротив.

У печки невозмутимо стоял ее отец, восьмидесяти с гаком лет старик Григорий, в тулупе опоясанным полотенцем, валенках, в шапке с опущенными ушами и метлой по правую руку.

– Ну что, чусовой, стоишь? – спросила Ксения отца.

Старик не ответил. Он молча взглянул на дочь, переминался с ноги на ногу и застыл в стойке.

– Ой, ты! – сказала Ксения, взглянув на ходики. – А время – то, только спать ложились! Как же ты, батя, до утра – то? Может, присядешь, а?

Она встала и подвинула табурет к отцу. Но тот, не глядя, обиженно шмыгнув носом и отодвинулся в сторону. Его взгляд застыл прямехонько в окно, откуда ему отвечали взглядом полумесяц с дюжиною звезд.

– Не сядешь, – печально сказала Ксения то ли себе, то ли старику и, махнув рукой, прошла к кухонному столу. Там наскоро добавила воду в самовар, щепочками разожгла его, выставив трубой в дымоход. Достала пару яиц, муки и взбила тесто для блинов...

2.

Вот такие дела были с дядей Гришей. А началось это прошлым летом.

Прибегает, как – то, Ксения до дому кур подкормить, да живность иную, глянь, а у печки отец стоит. Да странный он какой – то, в тулупе, в шапке и с метлой в руке.

Дед, он как года два с ума тронулся по легкому, да только старые люди и доктор районный предупредили Ксению, что они, те, что по легкому – то, могут из дома уйти, а потом ищи их, где попало.

– Ба! – сказала Ксения. – Да ты куда собрался, батя? Али в гости, аль еще куда?

А дядька Гриша приосанился и говорит так важно:

– На посту я, часовой! Вот тут я должен стоять!

– Эхма! Часовой! Ну, стой, стой, сторожи нас!

Да и побежала по хозяйству. Так час и прошел незаметно. Забегает Ксения в дом, чая опить, глянь, а дед – то стоит!

– Ну, ты чего, батя? Уж цельный час прошел, хватит – то стоять! – говорит Ксения.

– А он не час, а уже четыре стоит, – отозвался старший сын Ваня, вылезая из – за стола, где делал уроки.

– Четыре!? А молчишь чего? – кинулась мать на сына.

– А я и не молчу, – говорит Иван. – Сколько уж говорил, мол, пойдем деда, чай попьем и отобедаем, а он ни в какую. «Не пойду», – говорит, – «Пока командир с поста не снимет».

– Ой, беда – то, какая! – сказала Ксения и побежала по соседям посоветоваться.

И вскоре привела она несколько баб, да и пару мужиков знакомых, с надеждой, может хоть они, старика уговорят.

Целый час уговаривали. И силком пытались. Да только дядька Гриша не сдавался, старый вояка, побывавший на Первой мировой и в Гражданскую, твердил, подайте, мол, командира, и все тут!

Один из мужиков и мальчонку своего домой посылал за пиджаком с медалями, и важно так прохаживаясь перед дедом, пытался дать ему команду. Да только дед его командиром не признал.

Тут Ксения в слезы, Ваньку послала с работы отпроситься. А народ, как прослышал, про ее беду, так всякий заходил. Кто советом поделиться, кто деда уговорить, а кто и просто поглазеть. А дед, стоит! В избе полно народу, все шумят, гадают чего делать, а другие уж и просто лясы точат.

Зашла тут бабка Марья, что с третьей улицы от Ксении, просто зашла, по делу, покалякать, значит. Прошла, и дивится, чего это народ тут делает. Ну, ей кто на что горазд по ходу объяснили.

– Да ну, – пробурчала бабка Марья, пробираясь сквозь людей и проходя у Григория сказала тому. – Ты чего Гришка? Кака такая чусовой? Чай войны – то нет. Ну – ка, скидай тулуп, айда чай пить.

И пошла себе мимо, к столу. А дед – то тулуп скинул, да за ней. На том и все закончилось. И народ разошелся, а бабка Марья за чаем посудачила с Ксенией.

Все бы хорошо, да на третий день снова дядька Гриша встал на свой пост.

И снова прибежали соседи и пытались быть командирами мужики. Ничто не помогло. Аж из сил выбились.

Вот тут – то вспомнил кто – то, что в прошлый раз дед вроде бы бабу Марью послушался. Послали за ней. И кто бы подумал, послушался дядя Гриша и в этот раз бабу Марью!

С тех пор, так и повелось, как встанет дед Гриша «чусовым», так и посылали за Марьей. За три улицы было слышно, как ругалась она, дескать, нет ей покоя от Гришки – то, а сама конечно в себе гордилась, что он только ее и слушает. Да Ксения за это дело доброе завсегда потчевала старую чем – нибудь вкусненьким.

Злые бабки про то судачили и говорили, что тут что – то неладно, а не было ли меж Гришкой да Марьей по молодости чего такого, что сейчас аукнулось в душе подвинутого старика. А Марья лишь посмеивалась над ними и хитро улыбалась...

3.

Как самовар был готов, да блины вкусным запахом заполнили дом, разбудила Ксения Ваню.

– Вставай сынок, надо до бабы Марьи, дед опять чусовым встал.

– Мама, а нельзя утром? – лениво потянулся Ваня. – А то бабка Марья шибко ругаться будет. Она и днем – то ругается.

– Нельзя сынок, – сказала Ксения. – До утра еще далеко. А как дед упадет от усталости и зашибется? А что баба Марья ругается, так для порядка, я уж ей блинов напекла.

Ваня согласно кивнул головой, соскочил с кровати и наскоро оделся.

– Ма! А где валенки? – крикнул он вскоре.

– Да уж где им быть то, у печки, – отозвалась Ксения.

– Да нет их тут! – сказал Ваня.

– Ах ты, тепа! – вспомнила Ксения и скинула с ног перед Ваней его валенки, поеживаясь от стылого пола.

Тот с удовольствием засунул свои босые ноги в них и убежал.

Вскоре он вернулся, и Ксения услышала, как еще у ворот бабка Марья нещадно ругала «чусового Гришу». Досталась и собаке, которая любила обляять, непонятно почему ставшей частой гостьей старуху.

Ваня, как вошел, скинул валенки и телогрейку, не раздеваясь, ему еще нужно было проводить домой Марью, забрался на печку и тут же уснул.

Баба Марья, не снимая валенок, прошла к деду, дала команду старику и только потом сняла свое выдавшее виды старое пальтишко.

Ксения быстренько проводила отца до кровати, укрыла его одеялом и облегчено вздохнув, поспешила к бабе Марье, которая уже прошла к столу.

В печке весело потрескивал огонь от подброшенных Ксенией поленьев.

Баба Марья, как всегда, отошла после пару стаканов чая и словно забыла, что ночь на дворе рассказывала Ксении за своего мужа, который помер еще до войны. Ксения, подливала ей чаю, да подвигала блины и старалась слушать ее, скрывая рукою зевоту. И только иногда, когда баба Марья замолкала, было слышно, как за печкой молодецки храпел «чусовой» дед Григорий.

Фотограф Изя

Ну, скажи еще раз! Ты не знаешь о фотографе Изя?! Божешь ты мой, он не знает фотографа Изя!? Да что же ты можешь знать, если ты не знаешь фотографа Изя!

Так, слушай сюда! Фотографа Изя знал и помнит весь наш город.

Появился он у нас в тридцать первом, нет, вру, в тридцать втором году. Ну совсем как д» Артаньян в городе Менга, если ты конечно знаешь этот город. Только если отец д» Артаньяна подарил ему в дорогу свою шпагу и желто – рыжей масти мерина, то отец Изя подарил ему фотографический аппарат и повывавшие виды свой костюм.

О, да, костюм! В этом костюме он верно и должен был помереть, но отдал его, почему – то Изя. Судя по заплаткам, в этом костюме отец Изя пережил со своим фотографическим аппаратом и Первую Мировую и Гражданскую войны, да и к тому же он был на два размера больше. И не в том смысле, что больше размера одежды Изя. Он был в два раза больше самого Изя. Да так, что если бы у Изя был брат – близнец, они прекрасно уместились в этом костюме оба!

За аппарат ничего не скажу. Сразу было видно, что за ним ухаживали лучше, чем за этим костюмом, да что я снова о нем, будь он неладен!

Аппарат, весь такой блестящий, лакированный, какой – то там знаменитой бельгийской или немецкой фирмы, на треноге, вот. Я так думаю, что отец его, да и сам Изя потом, с него пылинки сдували.

Да он и сейчас, в отличном состоянии. Стоит в городском музее, рядом с фотографиями Изя.

Да, да, не забудь заглянуть в наш музей, там половина истории нашего города на фотографиях Изя.

2.

Так вот, появился он у нас в тридцать втором, ах да, я уже это сказал!

Такой вот весь худой и в этом костюме. Он быстро снял себе угол, тут недалеко от площади и уже на второй день появился на площади со своим чудесным аппаратом.

Не скажу, что появление Изя произвело на жителей города огромное впечатление. Увы, даже наоборот. Все с недоумением и даже как – то сердито, обходили его высокую худошавую фигуру и аппарат. И только детвора весело приняла его, как новое явление своей жизни. Они дружно окружили его, изумляясь ширине его штанин и, конечно же, каждый из них хотел прикоснуться к этому странному блестящему ящику на ножках, и бедняга Изя не знал, как избавиться от них. Он заискивающе смотрел в глаза прохожих, но они важно проходили мимо, словно никогда не знали, что такое фотография и не видели живого фотографа вообще.

Так прошло два дня. Изя уже совсем отчаялся, когда, наконец, появился первый клиент в его жизни.

Был уже конец рабочего дня и люди возвращались с работы домой, как вдруг из толпы прохожих отошел человек и направился прямо к Изя, окруженного шумной толпой детей.

Немного в годах, начинающий седесть мужчина, в белом костюме и широкополой шляпе на голове показался Изя каким –нибудь бухгалтером, но на самом деле это был известный в городе мастер – парикмахер Лиманский Мирон Степанович.

Этот степенный и уважающий себя человек, взглянул на Изя, потом на его аппарат и произнес волшебные и долгожданные слова:

– Ну что, молодой человек, будем сниматься?

Да, да, он так и сказал: «Будем сниматься»!

Изя растолкал мальчишек и едва сам не уронил аппарат. Он поставил стул перед Мирон Степановичем и как можно вежливее сказал:

– Конечно, прошу вас, садитесь!

Лиманский оглянулся вокруг, убедился, что на него с интересом смотрят прохожие, и со знанием дела опустился на стул, широко расставив ноги, и оперся руками на свою элегантную тросточку.

Изя, слегка поправил воротник рубашки Мирон Степановича и засуетился у аппарата. Он несколько раз появлялся и исчезал за аппаратом и, наконец, сказал:

– Внимание, снимаю! – и щелкнул заветной кнопочкой на вытянутой руке.

Вот так случилось первое фото нашего дорогого Изя.

Нет, это не было фото Мирон Степановича на фоне городской площади. Это было его фото на фоне доброй половины городской детворы, отчего Лиманский казался на нем директором местной гимназии со своими учениками или скорее миссионером в окружение нечесаных и немых бразильских детей.

Изя, от волнения забыл убрать детвору за спиной Мирон Степановича. Но тот был так доволен снимком, что держал его у себя на работе на зеркале и еще многие годы, подростки из этого фото парни, с любопытством разглядывали себя на фото за спиной, еще оказывается не совсем старого тогда мастера Лиманского.

3.

Прошло еще два дня. Однако никто больше фотографироваться не хотел. И Изя уже подумывал, не переехать ли ему в другой город. Но, наконец, наступило воскресенье, и площадь заполнили толпы людей, веселых и нарядных. И не надо думать, что все они побежали к Изя фотографироваться, увы, нет. Они даже детей своих забрали от Изя, словно в его блестящем ящике была бомба. Но была среди них первая красавица города Оксана Приходько, ну да, она еще у нас потом директором школы работала. А тогда была она красивая и оттого капризная девица и в этот день она легко нашла повод для своего очередного каприза. Оксана заявила кавалеру, что она хочет сфотографироваться, и тот, благо денег у него в кармане хватало, с облегчением согласился исполнить это желание. Впрочем, «исполнил желание» наш Изя, но с таким мастерством, которое потом всегда отличало его фотографии. И все. Больше капризных красавиц в этот день не нашлось. Но на другой день Изя притащил на площадь с человеческий рост афишу, похожую на двойные, раздвижные лестницы. И на этой афише он приклеил всего две свои фотографии, которые он сделал в этом городе. Эффект превзошел все ожидания! Нашлась целая рота капризных девиц, которые потребовали от своих кавалеров, чтобы их фотографии также красовались в центре города. Бедные кавалеры даже доплачивали Изя, чтобы тот приклеил фотографии их зазноб на афишу. Дела Изя сразу пошли на поправку. Ну а первое семейное фото, также украсившее афишу, вызвало настоящий бум среди жителей города. И если вы видели нарядно одетую семью, идущую по улицам города в направлении площади, можно было не сомневаться, они шли к Изя, они шли фотографироваться. Стало модным фотографироваться с приезжими гостями. Их напряженные с выпученными от напряжения глазами лица легко выделялись на фото среди поднаторевших позировать местных жителей.

4.

На Изя, стали поглядывать местные красавицы, а претендентки и вовсе часами досаждали ему на работе, мешая клиентам и мастеру совершать очередной шедевр. Но, не они, а портниха Галя, старше его на целых пятнадцать лет, стала первой его можно сказать любовью в этом городе.

Так, особо в глаза это не бросалась и только соседки Гали судачили, как по утрам из окна спальни Гали сначала выбирался сам Изя, а потом уж она очень аккуратно передавала ему с рук в руки, его драгоценное орудие труда – аппарат. Почему в окно? Да божешь ты мой! Потому что Галя была замужней женщиной и вскоре их любовь закончилась, поскольку муж вернулся домой с военной службы. И этот муж, пожалуй, был единственным в городе человеком, кото-

рый не знал, что костюм, который так ладно сидел теперь на Изя, был когда – то в два раза больше его. И перешитый в одну ночь его угодливой и страстной женой, придал фотографу тот шарм, который присущ, пожалуй, всем фотографам мира.

К осени, власти города определили его на работу, и теперь он уже имел свою комнату, рядом с известным уже вам парикмахером Лиманским, с которым он стал не только госслужащим, но и навсегда верными друзьями.

Потом, Изя ненадолго исчез. Оказалось, у него умер отец. Он привез с собой, доставшись ему в наследство несколько альбомов фотографий отца и свою подругу детства, дочь друзей семьи отца по имени Руфь.

Об этой Руфь можно было бы написать отдельный роман. Как выяснилось позже, свои отношения они успели оформить еще в родном городе. И поэтому Руфь прибыла в наш город на полных правах жены нашего Изя. Она родила Изя четырех дочерей и сына, красивых как она сама, но слава богу, скромных и молчаливых как Изя. Очень скоро, Руфь расплнела и постарела, но ее язык от этого ничуть не утратил своей остроты.

О, этот язык Руфь! Если бы в этом суетном мире был бы чемпионат на самого языкастого человека, то Руфь, несомненно, вошла бы в историю города как многократная чемпионка и обладательница всех мировых рекордов. Мало того, что язык Руфь работал, как мельничные жернова, перемалывая, как зерно, все сплетни и слухи, но только и только она, знала обо все на свете. Не случайно, в нашем городе никогда не было справочного бюро, зачем, если для этого у нас была Руфь?!

Эта женщина всех достоинств, и ее единственным недостатком была, пожалуй, бешенная ревность к Изе.

Все свободное время, которое было у Руфь, она проводила на работе или на площади вместе со своим Изя! Интересно, когда она успевала кормить, обстирать, воспитывать свое немалое семейство?!

Эти посещения были настоящей мукой для Изя. Руфь не только поила Изя чаем и кормила вкусными пирогами, но и бдительно следила, чтобы он не дай бог, прикоснулся к клиентке. И, увы, тогда у Изя получались не самые лучшие снимки.

5.

Будущее казалось Изя и горожанам безоблачным и светлым. Каждый надеялся только на лучшее для себя и детей. И афиша Изя была полна счастливых и беззаботных лиц.

Но вот наступил тридцать седьмой год, и многие клиенты Изя и Мирона Степановича вдруг исчезли. Сначала Изя и Лиманский спрашивали друг друга, куда же пропадают их клиенты, но потом просто молча вздыхали, если в разговоре они узнавали, что снова кто—то из их знакомых уже никогда не придет к ним.

На следующий год, весной, когда Изя снова появился на площади со своей афишей, людей, прогуливавших по ней стало намного больше. Для многих, Изя был как бы той самой перелетной птицей, когда его появление на площади означало, что зима кончилась, и скоро придут теплые дни и все будет хорошо. И снова, в выходные дни, люди заполнили площадь, радуясь весне, и встречи друг с другом.

Но однажды на площади появилась черная машина.

Она сердито сигналила людям и требуя дороги. Объезжая толпы людей, пофыркивая, обдавая всех газом и пылью, она доехала до места, где стоял Изя, и остановилась.

Из машины вышли двое военных и, поправив портупей, они двинулись к Изе.

Площадь мгновенно умолкла, было слышно, как падает вода городского фонтана. Все смотрели в сторону Изя и его афиши, от которой немедленно разошлись зеваки.

Военные не подошли к Изя, они направились сразу к афише. О чем—то, переговорив, они встали по разные стороны афиши, и со знанием дела разглядывали ее и отрывали некоторые фотографии.

Карточки были хорошо приклеены и поэтому рвались в клочья. Эти клочья срывались с рук военных и разлетались по площади, падая под ноги людям.

Люди молча наблюдали за военными и когда они закончили свою работу и уехали, многие тоже разошлись по домам, аккуратно обходя клочки фотографий под ногами.

Изя тоже ушел, но на следующий день он снова был на площади. И все увидели, он ничего не сделал с афишей и белые пятна, словно раны зияли среди улыбающихся лиц.

И только на следующее лето Изя заклеил их новыми фотографиями.

6.

Да, когда случилась война, Изя на войну не взяли. У него зрение было плохое. А вот Мирон Степанович сам ушел на фронт и не вернулся. Наш Изя очень переживал, когда его друга не стало. Тогда такого горя было у многих.

Люди редко приходили на площадь, и клиентов стало совсем мало. И тогда, Изя зная тех, у кого мужья или отцы были на фронте, часто фотографировал бесплатно.

Он только просил:

– Улыбайтесь! Пусть они верят, что мы их любим и ждем на этой площади! И тогда они обязательно вернуться.

Но вскоре стало ясно, что многие не вернуться на эту площадь никогда. И родные, проходя по площади, часто останавливались у афиши Изя и плакали, увидев их на фото.

И таких людей стало все больше и больше. Этого не могли не заметить работники горкома, окна кабинетов которых выходили прямо на площадь.

– Надо что—то делать, – сказал однажды секретарь горкома. – Нельзя чтобы это продолжалось. Это плохо действует на моральный дух народа. Надо убрать эту афишу. Но сделать это так, чтобы не обидеть Изя и не вызвать у народа ненужных вопросов.

И вот однажды, в разгар рабочего дня, когда на площади почти никого не было, он появился там, в сопровождении двух своих сотрудников.

Вежливо поздоровавшись с Изя, он обошел афишу и, вернувшись к фотографу, сказал:

– Изя, горком ценит тебя, как одного из лучших тружеников города, а также твое мастерство. На последнем заседании горкома принято решение, определить твои фотографии в наш городской музей трудовой и боевой славы.

И не успел Изя и рта открыть, как эти два сотрудника схватили афишу и понесли в сторону музея. А секретарь, довольный своей задумкой, улыбнулся им вслед и, повернувшись, к Изя сунул тому в руку немного денег.

– Это тебе, Изя, на новую афишу, – сказал он. – Вот как одолеем фашистов, пусть на ней будут только счастливые лица.

И как в воду глядел. Очень скоро пришел он день Победы. И заблестели глянецом новые фотографии на новой афише Изя. А там все удалые и веселые лица, все в орденах и медалях, да рядом с родными и любимыми.

И снова появилось много работы у Изя. Через пару лет, афишу стали заполнять карточки с новорожденными детьми, потом, когда они пошли в садик, школу. А выпускные школьные вечера! У Изя были фотографии всех выпускников нашего города. И у меня конечно, да что там, у детей моих всех только фотографии Изя!

А афиша та, старая, так в музее и стоит. Там всегда и стульчик рядышком, старенький такой, под стать афише. Так до сих пор народ к ней ходит. Я как там бываю, так обязательно кто—то на стульчике сидит и все смотрит. Приходится в очереди стоять. Я тоже сижу там долго. У меня отец не вернулся.

7.

Когда Изя не стало, каждый знал об этом. Гости города, наверное, думали, что хоронят какого – то партийного вождя. Но это было не так. Народ хоронил Изя. Какая – то старуха вынесла из дома свое фото, которое ей сделал Изя, и так стояла на дороге, по которой должны

были его пронести. И тогда это сделали все, весь город. Все стояли у дороги и держали свои фото на руках, словно иконы, благословляя усопшего в его последний земной путь.

Ты не поверишь, многие плакали, и я плакал, ты не поверишь! Такой вот он был добрый, а ведь вроде и незаметный в жизни.

Вот ведь, дела такие. А ты вот глянь, видишь вон того молодого человека с аппаратом? Так это Савва, сын Изя! Тоже мастер классный, между прочим.

Ха, когда он молодой был, они с одним своим другом решили сфотографировать всех девушек нашего города! И как они это сделали? Дружок его сел на велосипед, а Савва, так тот позади, на багажнике. Сфотографировали, да. А главное все фотографии отпечатали. Говорят, что столько бумаги перевели на это, что Изю, едва не хватил удар! Досталось, говорят тогда Савве на орехи! Ничего, зато теперь вот при деле, старается...

А мне вот кажется, что Изя все – таки лучше фотографировал, как – то душевнее что ли. М – да, вот ведь как иногда о душе то вспомнишь...

Катя

Катю знали все в округе. И в городе, и в трех близ него расположенных поселках, между которыми она всю жизнь баржировала.

Она была маленькая, не определенного возраста на вид женщина, в старом выцветшем платье, поверх которое одевала зимой джемпер и неизменно в любое время года длинноватый, ниже колен плащ. И, конечно же, с перекинутой через руку некогда красной, а с годами выцветшей до темно свекольного цвета сумкой.

Вся ее жизнь проходила в поездках между этими поселками, обходя которые она собирала пустые бутылки, сдавала их и на это существовала.

Вечером она возвращалась в город, слегка хмельная, но из сумки всегда торчала еще непечатая бутылка вина, а в лучшие дни и водки, да и с закуской, судя по пополневшей сумке, было все в порядке.

Никто и никогда не видел, где она выпивала и ела, как никто и никогда не знал, где она ночует, когда возвращается в город.

С утра, обойдя все возможные уголки поселков, к обеду она навещала поселковые парки, куда уж подтягивались мужики, которые не жалели денег на водку, но экономии на закуску и обходились буханкой хлеба и второсортной килькой. Эту кильку, после первого и второго стакана, они еще тщательно чистили, ну а потом, в загуле, уж просто заглывали вместе с головой и хвостом. Ну, а с полочки они еще могли баловать себя палкой «докторской» колбасы или просто банкой икры из баклажанов.

Заметив, загулявшую компанию Катя присаживалась неподалеку и терпеливо ждала, когда закончится пиршество.

Мужики, часто приглашали Катю присесть с ними и угощали ее, но она никогда не подходила к ним. «Гордая!» – говаривали мужики и аккуратно, чтобы не побить горлышки, складывали пустые бутылки в сторонке.

Лучшими друзьями Кати были приемщики стеклопосуды, которые обслуживали ее без очереди, и даже тогда, когда не было тары. Они не только видели в ней профессионала, но и брали мзду, забирая себе две копейки с бутылки. Катя не спорила с ними и даже гордилась тем, что она никогда не стоит в очереди в толпе, вместе с людьми, всегда немного смущенными процедурой.

Были у Кати и настоящие враги. Нет, не милиционеры. Они, как раз не обращали на нее никого внимания, даже тогда, когда она была заметно навеселе.

Врагами Кати были кондуктора и дежурные на посадке людей в автобусы на автостанциях. Катя почему – то наотрез не хотела оплачивать проезд, считая себя, видимо, привилегированной особой. Уж как она с ними воевала! Иные не пропускали ее на два – три рейса и лишь потом делали вид, что не замечают ее. Но были среди них уж совершенно безжалостные. И тогда Катя уходила на выезд с автостанции, откуда шофера безропотно подбирали ее, поскольку несколько зазнавшихся из них пристыдили пассажиры. Чего, мол, там, Катю – то обижать.

Настоящими праздниками для Кати были футбольные матчи. Зрители тогда были настоящими фанатами и готовились к матчам любимой команды ну как к встрече Нового года, основательно, разве что шампанского с собой не брали, а так все было по – людски.

Поначалу Катя заметно скучала на матчах, и нетерпеливо болтала ногами сидя на скамейки у самодельного табло для счета, которое ей доверили. Она лениво меняла счет на табло, дожидаясь окончания матча, когда зрители разойдутся под звонкий перезвон пустых бутылок под ногами на трибунах. Многие из них на другой день даже не помнили счета, кто выиграл и проиграл, но то, что было весело, помнили все.

Понемногу Катя пристрастилась к футболу, и стала на удивление самой, что ни есть яростной болельщицей. И когда нападающий команды не забивал верный мяч, или вратарь пропускал совсем не обязательный гол, она была готова выскочить на поле и поддать виновнику по голове.

И вот однажды, еще в начале первого тайма, соперники команды города первыми забили гол. Не сказать какой уж там красоты, но явно спорный, с нарушением правил. Понятно конечно, что творилось на трибунах. Начался страшный шум, «Судью на мыло!» – захоронили болельщики под свист и вопли.

Подавленная случившимся, Катя не спеша поковыляла к табло, устанавливать счет. «Не надо, Катя!» – кто – то крикнул с трибуны, и Катя вдруг согласно махнула рукой и вернулась на свое место. Трибуны заметно повеселели. Матч продолжался, а счет, по их мнению, так и не был открыт. Но это продолжалось недолго. То ли трибуны уж слишком развеселились, то ли судья сам увидел нули на табло, только вскоре он дал свисток, остановил игру и решительно направился к табло, у которого невозмутимо сидела Катя.

Судья подбежал к Кате и, жестикулируя, явно потребовал изменить счет. Но Катя презрительно отвернулась от него. И тогда судья полез в карман, вынул оттуда красную карточку, и показал ее Кате, указывая рукою на выход со стадиона. Стадион ахнул и умолк.

Дядя Вася, он же директор, он же кассир, он же контролер, он же единственный работник стадиона, а также диктор: тут же объявил по радио: «За нарушение порядка Катя удаляется со стадиона!».

Катя с удивлением взглянула на громыхающий над нею колокол на столбе, с гневным голосом дяди Васи, кивнула головой, дескать, поняла, и направилась к выходу. И тут, трибуны встали и аплодисментами проводили Катю, которая озорно успела помахать им рукой.

С тех пор Катя стала любимицей и талисманом трибун. И хотя на следующий день дядя Вася, с которым она делилась выручкой с после матчевых сдач посуды, и устроил ей нагоняй, даже он, остался доволен этим историческим эпизодом его стадиона.

Впрочем, такой же исторической личностью вскоре стал он и сам.

Надо сказать, что дядя Вася был очень суеверным человеком и как – то сделал открытие для себя, что команда обязательно проигрывает матчи, если Кати нет на стадионе. А тут вот финал кубка области, а Кати нет. Целых семнадцать минут, всеми правдами и неправдами дядя Вася не допускал команды на поле, пока у кромки поля не увидел Катю. Что там говорить! Даже зрители на стадионе оживились, увидев Катю.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.